

ПРОИЗВЕДЕНИЕ АРХИМАНДРИТА ТИХОНА (ШЕВКУНОВА) «“НЕСВЯТЫЕ СВЯТЫЕ” И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ» В КОНТЕКСТЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОЗЫ XXI ВЕКА

И. С. Леонов

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

Поступила в редакцию 4 августа 2017 г.

Аннотация: статья посвящена определению места книги архимандрита Тихона (Шевкунова) «“Несвятые святые” и другие рассказы» в контексте православной литературы XXI века. Изучаемое произведение опирается на две тенденции религиозно-христианской художественной словесности сегодняшнего дня: прозу с эволюционирующим объектом и приходскую литературу. О первом свидетельствует наличие в тексте моделей духовной трансформации персонажей (неверие — погружение в мир православной общины; неверие — приход к вере; грех — покаяние; внешняя греховность — внутренняя праведность), а также рассмотрение личности сквозь призму кризис- и выбор-ситуаций. Вторая тенденция характеризуется установкой на автобиографизм, а также отражением в тексте мотивов богослужебно-обрядового комплекса.

Ключевые слова: православная художественная литература, проза с эволюционирующим объектом, приходская литература, монастырская проза, кризис-ситуация, выбор-ситуация, автобиографизм, православные таинства и обряды.

Abstract: the article is devoted to defining the place of the book of Archimandrite Tikhon (Shevkunov) ““Unholy saints” and other stories” in the context of Orthodox literature of the XXI century. This work is based on two trends in the modern religious Christian literature: the prose with the evolutionary object and parish literature. The presence in the text the models of spiritual transformation of the characters (disbelief — dive into the world of the Orthodox community; lack of faith — coming to faith; sin — repentance; outer sinfulness — inner virtue) indicates the first trend, and considering the personality through the prism of the crisis — and choice-situations as well. The second trend is characterized by the installation of autobiographysm and presence in the text of the explanation of the liturgical-ceremonial complex.

Keywords: orthodox literature, prose with the evolutionary object, the parish literature, monastic literature, the crisis-situation, selection-situation, autobiographysm, Orthodox sacraments and ceremonies.

Опубликованная в 2011 году книга архимандрита Тихона (Шевкунова) «“Несвятые святые” и другие рассказы» вызвала широкий резонанс в читательской аудитории, а также привлекла внимание специалистов-гуманитариев. Многие исследователи связывают успех произведения с тонким чувством юмора, присущим автору, искренностью, достоинствами языка и стиля. По мнению Н. В. Пращерук, «автор выступает здесь великолепным рассказчиком, мастером диалога, в каждой реплике явлен характер, обозначена индивидуальность» [1, 507]. Размышляя о высоком уровне популярности книги, Д. М. Рогозин подчеркивает, что благодаря произведению происходит знакомство современного светского читателя с уникальным монастырским миром, закрытым и непонятым для большинства представителей сегодняшнего российского общества: «Жизнь церковных людей необычна и непонятна для внешнего человека. Его представления о ней заполнены скорее мифами и анекдотами, нежели описаниями реальных

событий. Вместе с тем, монастырь — это сообщество обычных людей, выбравших для себя иной путь, иную судьбу» [2, 171]. М. С. Краснякова предлагает выделить в группу произведений с «монастырским» сюжетом художественные тексты, в которых основные события происходят в пространстве православной обители, а в качестве персонажей представлены монахи, послушники и паломники [3].

Соглашаясь с идеями исследователей, необходимо отметить, что появление книги «Несвятые святые» связано с развитием православной художественной прозы, которая в настоящее время становится неотъемлемой частью современного литературного процесса. Обращаясь к ее специфике, следует выделить две знаковые тенденции, объединяющие произведения различных жанров.

К первой группе относятся тексты, общая установка которых связана с разработкой и презентацией типичных моделей прихода к вере и воцерковления современного человека. Для этого могут использоваться реалистичные ходы (познание Бога через болезнь, несчастье, одиночество, а также благодаря

знакомству с людьми, имеющими богатый опыт духовной жизни). Ряд авторов разрабатывают ситуацию «встреча с чудом», за которой следует обращение персонажа к миру русского православия. И, наконец, в некоторых случаях на страницах православной литературы возникают явно фантастические или фэнтезийные сюжеты: путешествие по вымышленным мирам, попадание в компьютерную игру, знакомство с загробной реальностью и т.д.

С опорой на идейно-тематическую доминанту, основанную на изображении сложного процесса приобщения современного человека к вере и вхождения его в церковную жизнь, предлагается рабочее определение данного течения православной литературы — проза с эволюционирующим объектом.

Вторая тенденция связана с возникновением по-своему уникального явления — приходской литературы, создателями которой становятся лица, обладающие духовным саном и опытом приходского служения. В данном контексте представляется допустимым использование термина «иерейская (священническая) проза», отраженного в трудах В. Каплана [4], Ю. Кононенко [5], а также ряда других исследователей.

Приходская проза — малоизученный на данный момент феномен, связанный с творчеством протоиереев Александра Авдюгина, Александра Шантаева, Ярослава Шипова, Александра Дьяченко, Алексея Лисняка, Саввы Михалевича и других авторов. Его возникновение и развитие тесно связано с историческими и культурными реалиями последних десятилетий. Речь идет об открытии православных храмов, возрождении богослужений и деятельности церковных общин как в городе, так и в сельской местности.

Для приходской прозы характерна установка на автобиографизм, изображение широкого этнографического контекста, социальную открытость (образ священника раскрывается через общение с односельчанами), психологизм, внимание к деталям. Подобная литература не предполагает вымышленных ситуаций и персонажей (в некоторых случаях имена людей могут быть изменены автором).

Обозначенные тенденции православной художественной литературы отличаются друг от друга в силу специфики авторских задач. В первом случае доминирует миссионерская установка, желание писателя через яркие образы и сюжеты привлечь внимание человека к православному миру и церковной традиции. Во втором — акцент делается на изображении повседневной жизни российской глубинки, воспринимаемой и оцениваемой православным паствой.

Основной задачей настоящей работы является определение места произведения «Несвятые святые» и другие рассказы» в контексте православной художественной словесности XXI века, выявление в нем черт, специфичных как для прозы с эволюци-

онирующим объектом, так и для приходской литературы, раскрытие индивидуальных особенностей поэтики изучаемой книги.

Обращаясь к традициям прозы с эволюционирующим объектом, следует отметить вариативность моделей духовных изменений, происходящих с главным героем, частично представленных ранее [6]. Для книги архимандрита Тихона наибольшей значимостью обладают следующие:

- а) неверие — погружение в мир православной общины, воцерковление;
- б) неверие — приход к вере;
- в) грех — покаяние;
- г) внешняя греховность — внутренняя праведность.

Представленные в виде бинарных оппозиций модели внутренней трансформации человека призваны отразить стартовое и финальное состояние персонажа, меняющееся по ходу развития сюжета. Следует заметить, что происходящие с человеком изменения — процесс достаточно сложный как в психологическом, так и в духовном планах. Более глубоко и наглядно он может быть раскрыт через обращение к двум понятиям: кризис-ситуации (КС) и выбор-ситуации (ВС).

Под кризис-ситуацией подразумевается состояние персонажа в момент наиболее острого напряжения духовных и/или физических сил. Речь идет о болезни, смерти близкого человека, проблемах в семье, одиночестве и т.д. В наиболее сложный момент от персонажа требуется принятие важнейших решений, требующих выхода за пределы материалистического мировоззрения. Человек переступает границу рационального и иррационального, обращается за помощью к Богу. В данном случае речь идет о выбор-ситуации, которая требует от человека решения изменить жизнь, направив ее в русло Евангельских ценностей.

Модель неверие — погружение в мир православной общины, воцерковление достаточно часто встречается в православной художественной литературе сегодняшнего дня. Она присутствует в повестях протоиерея Александра Торика «Флавиан», Татьяны Шипошиной «Полигон» и «Как мне хочется чистой воды». В книге «Несвятые святые» данная модель приобретает еще один важный компонент, связанный с принятием повествователем монашества. Подобная ситуация встречается в романе протоиерея Алексея Мокиевского «Незавершенная литургия», в котором на путь иноческого служения становится главный герой — Александр Фомин-младший. В то же время необходимо рассмотреть ряд отличий реализации указанной модели в художественных системах различных авторов.

Во-первых, в романе «Незавершенная литургия» иночество становится финальной точкой духовной эволюции главного героя, познавшего Божественную

реальность через встречу с чудом. В книге «Несвятые святые» повествователь проходит путь от нецерковного юноши до наместника монастыря. При этом изображению монастырских реалий в книге уделяется значительное место.

Во-вторых, духовный путь Георгия (мирское имя автора) показан в контексте судеб целого ряда персонажей, которые на определенном этапе разочаровались в господствующем в обществе материалистическом мировоззрении и встали на путь иноческой жизни. К ним можно отнести иеромонаха Рафаила, отца Никиту, инока Александра, Сашу Швецова и других. Объединяет этих людей тот факт, что они являются выходцами из нецерковной среды, а их интерес к православию был вызван напряженным внутренним поиском, неудовлетворенностью идеологическими нормами советского времени.

В-третьих, ни повествователь, ни его товарищи не переживают ярко выраженную кризис-ситуацию, раз и навсегда изменившую их жизнь и повлиявшую на решение уйти в монастырь. Подобный резкий переход, спровоцированный серьезным жизненным испытанием, физическими и/или душевными страданиями, часто встречается в произведениях с эволюционирующим объектом. В поиске примеров можно обратиться к повестям и рассказам протоиерея Николая Агафонова («Колдовские сети», «Безработный»), отца Александра Торика («Флавиан», «Dimon»), Валерия Лялина («Наваждение»), Бориса Спорова («Наследники», «Монах-спаситель») и многим другим. Приход к вере через боль (типичный механизм сочетания кризис- и выбор-ситуации) в произведении «Несвятые святые» не является определяющим, так как на первый план здесь выходит глубокий нравственный поиск героев, ведущих внешне благополучную жизнь. Размышляя о судьбе молодых монастырских послушников, автор отмечает: «Все были здоровые, сильные, симпатичные молодые люди. Один блестяще окончил математический факультет университета, другой, несмотря на свой возраст, был известным в Ленинграде художником» [7, 6—7].

Отсутствие масштабной кризис-ситуации не означает, что путь к иночеству и монашеская жизнь в книге архимандрита Тихона представлены в идеалистическом ключе. На различных этапах повествователь сталкивается с определенными трудностями, требующими принятия правильного решения. К таким испытаниям можно отнести увлечение Георгия оккультными практиками до принятия крещения, столкновения с первыми трудностями жизни в обители, конфликты с церковным начальством. Подобные кризисы способствуют переходу повествователя к выбор-ситуациям, к которым следует отнести крещение, отказ от досрочного оставления монастыря, следование советам духовника.

Таким образом, в книге «Несвятые святые» прослеживается идея, согласно которой приход челове-

ка к Богу осуществляется не через боль, а благодаря встрече с новой, ранее неизвестной реальностью. Подобная ситуация также представлена в произведениях протоиереев Николая Агафонова «Командировка в иную реальность» и Алексия Мокиевского «Незавершенная литургия».

Модель неверие — приход к вере способствует раскрытию образов персонажей, пришедших к вере в конце жизни и выразивших свою позицию через открытое исповедование Христа. В силу того, что кардинальный перелом в их сознании происходит на финальном этапе жизненного пути, о глубоком погружении в мир православной общины в данном случае говорить не приходится. Однако же приближение человека к смерти, сопровождаемое тяжелыми физическими недугами и нравственными страданиями, формируют кризис-ситуацию, требующую как самостоятельного выбора (обращение к вере), так и помощь церковных таинств. Данная модель изображена в главах «Теща маршала Жукова», «Об одной христианской кончине», «Как Булат стал Иваном».

Модель грех-покаяние способствует глубокому и правдоподобному раскрытию образа повествователя и близких ему людей. Реализация данной модели связана с идеей, что приход к вере и погружение в мир церкви не дают человеку полного освобождения от внутренних и внешних конфликтов. Указанная модель включает череду кризис-ситуаций, требующих осознанного и продуманного выбора. Так, ссора повествователя с иеромонахом Рафаилом со временем приводит к осознанию Георгием ошибочности своих действий. Резкость архимандрита Гавриила, спровоцировавшая уход из обители десяти иноков, вынуждает наместника искать примирения с оппонентами.

Данная модель находит отражение в судьбе Валентины Коноваловой, решившейся вопреки советам духовника на операцию, спровоцировавшую инсульт и смерть женщины. Тяжесть ее состояния приводит к тому, что покаяние не может быть выражено словесно и проявляется на невербальном уровне: «Увидев меня, она закрыла глаза и заплакала. Говорить она не могла. Но и без всяких слов была понятна ее исповедь. Я прочел над ней разрешительную молитву и причастил» [7, 48]. Глубокое нравственное потрясение испытал во время первой исповеди юноша Валерий из Чистополя: «Когда через полчаса отец Иоанн пригласил нас, Валера сидел на диванчике — заплаканный, но впервые за все дни нашего знакомства умиротворенный и даже счастливый» [7, 58].

Важное значение в книге «Несвятые святые» имеет модель духовной эволюции персонажа, выраженная формулой внешняя греховность — внутренняя праведность. Следует признать, что с ее помощью выявляется не столько характер внутренних изменений персонажа, сколько раскрывается его ис-

тинная сущность, позволяющая читателю в полной мере осознать духовный потенциал личности, контрастирующий с внешне отталкивающим обликом. В данном случае речь идет не об эволюции самого человека, а об изменении его восприятия окружающими людьми.

В этом смысле показательным является образ монастырского казначея Нафанаила, названного в книге «вредным»: «...в этом выборе оказались единодушны священники и послушники, монахи и миряне, коммунисты из печерского управления КГБ и местные диссиденты. Дело в том, что отец Нафанаил был не просто вредный. Он был очень вредный» [7, 84]. В облике монаха обнаруживаются черты скряги («Ну, настоящий Плюшкин!» [7, 97]) и церковного администратора («...отец Нафанаил всегда старательно подчеркивал, что он не кто иной, как педантичный администратор и сухой службист» [7, 95]). Тем не менее, в процессе раскрытия образа казначея читатель обнаруживает в нем такие качества, как аскетизм, самоотдача, преданность вере и монашескому призванию, любовь к людям.

Художественной манере архимандрита Тихона свойственно изображение персонажей накануне смерти, т.е. в период, когда раскрывается подлинное состояние человеческой души в преддверии встречи с Богом. Вспоминая о своем последнем разговоре с монахом, автор отмечает: «Я имел счастье навестить отца Нафанаила незадолго до его кончины и был поражен бесконечной добротой и любовью, исходившими от старца» [7, 103]. Аналогичная ситуация связана с личностью схимонаха Киприана, считавшегося насельниками монастыря «стукачом», у которого накануне смерти открылся дар предвидения.

Проанализировав черты прозы с эволюционирующим объектом, нашедшие отражение в книге «Несвятые святые», следует обратиться к особенностям приходской литературы, повлиявшим на замысел и поэтику исследуемого произведения. При этом следует оговориться: автор книги не является приходским священником, его жизненный путь связан с монастырем. По этой причине сложно говорить о масштабном отражении в книге приходских реалий. Тем не менее, отдельные элементы, связанные с жизнью современного российского духовенства, в книге присутствуют.

Во-первых, следует отметить установку автора на автобиографизм, точную передачу событий, отсутствие вымысла: «Мне не было нужды что-либо придумывать — все, о чем вы здесь прочтете, происходило в жизни. Многие из тех, о ком будет рассказано, живы и поныне» [7, 7]. В этом смысле книга «Несвятые святые» существенным образом отличается от произведений с эволюционирующим объектом, многие из которых представляют смоделированные сознанием писателя ситуации прихода к вере и воцерковления.

Во-вторых, в «Несвятых святых» речь идет об отражении богослужебно-обрядового комплекса, включающего требы предсмертного цикла. Повествователь, исполняя священнический долг, совершает визиты к умирающим людям и совершает необходимые таинства: исповедь, причащение. Подобные ситуации, типичные для приходской прозы, раскрывают тему подготовки человека к встрече с Богом, требующей как искреннего исповедования веры, так и глубокого покаяния.

Следует отметить, что в очерках и рассказах сельских священников фигурируют простые люди, деревенские жители с их традиционным набором жизненных обстоятельств, которые, с точки зрения писателя-этнографа Александра Шантаева, являются своего рода оберегом от смерти: «Пожилые бабки-прихожанки бодрятся друг перед другом, они пока еще полны забот и текущих дел — козы, огороды, соседки, внуки, новый вставной мост, который никак не «прижуется». Смерть отрицается хлопотливой бравадой...» [8, 77]. В книге «Несвятые святые» возникает новый контингент исповедников. Речь идет о представителях столичной интеллигенции, людях творческих профессий. Многим из них свойственны сомнения, рефлексия, скептицизм, не позволяющий задумываться о вере на протяжении активной жизни. Мысли о Боге, как правило, приходят к ним на заключительном жизненном этапе, когда приближение смерти становится очевидным.

Представители интеллигенции также имеют свои «обереги», своеобразные «защитные механизмы», создающие в их сознании иллюзию спасения от неминуемого финала. В отличие от деревенских жителей, для которых важное значение в данном контексте имеют домашние хлопоты, персонажи книги отца Тихона используют в качестве защиты равнодушие, индифферентность к вопросам религии (глава «Как Булат стал Иваном»), обращение к личности и философии любимого писателя («Об одной христианской кончине»). В отдельном случае, персонаж может испытывать страх перед человеком в черной одежде («Теща маршала Жукова»).

Изображение ситуаций, связанных с совершением таинств предсмертного цикла, строится по следующей схеме:

- получение известия о тяжелой болезни человека;
- приезд священника в квартиру больного, фиксация внимания на отдельных деталях интерьера;
- беседа с умирающим вне рамок таинства;
- исповедование веры больным;
- совершение обряда (содержание сохраняется автором в тайне, родные умирающего на время покидают комнату);
- чтение разрешительных молитв, причащение;
- фиксация внимания на внутреннем и физическом состоянии больного.

Особый акцент следует сделать на этапе беседы священника с умирающим персонажем. В это время повествователь пытается создать доверительную атмосферу, призвать больного к вере в Иисуса Христа и принести покаяние. Священник, не отрицая смерть, раскрывает перед исповедником учение церкви о загробном мире и о необходимости достойной подготовки к нему: «Я поведал о прекрасном, удивительном мире, бесконечно добром и светлом, куда Спаситель вводит каждого, кто доверится ему от всего сердца. И о том, что к великому событию смерти и перехода в новую жизнь надо подготовиться» [7, 365].

Во время беседы священника с умирающим происходит отказ последнего от ранее избранных способов защиты от смерти и страха перед ней. Так, перед совершением таинства в комнате Сергея Федоровича Бондарчука появляется икона Спасителя, заменившая портрет Льва Толстого, у которого знаменитый режиссер просил защиты во время устрашающих предсмертных видений.

При изображении таинств предсмертного цикла в ряде случаев возникает мотив чудесного преображения человека. Как правило, речь идет о тяжело больных людях, потерявших возможность адекватно воспринимать происходящее и вступать в общение с окружающими людьми. Однако же в отдельных ситуациях в период исповеди и причащения эти способности к ним возвращаются. В книге «Несвятые святые» подобный случай изображен в главе «Теща маршала Жукова». Аналогичные эпизоды описаны в рассказах священника Александра Дьяченко «Пять минут» и «Иван».

Наряду с изображением таинств, способствующих преображению личности, в приходской литературе присутствуют случаи отказа умирающего человека от исповеди, вызванные, как правило, идеологическими причинами. Речь идет о носителях атеистической ментальности или о представителях «альтернативной духовности», например сельских знахарях. Подобные эпизоды представлены в произведениях священников Александра Шантаева «Визит к колдунье» и Ярослава Шипова «Письма к лешему». В книге «Несвятые святые» от совершения таинства отказывается бывшая супруга обновленческого «митрополита» Александра Введенского: «...та натянула на голову одеяло и категорически отказалась ехать. Хотя накануне, казалось, готова была исповедоваться и причаститься» [7, 401]. Подобная ситуация наталкивает повествователя на размышления, касающиеся видов грехов и возможности получения прощения: «Есть человеческие грехи, которые врачуются

покаянием. А есть особые грехи — против Церкви. Они настолько могут разлучить человека с Богом, что даже не допускают к покаянию» [7, 399].

Таким образом, книга архимандрита Тихона (Шевкунова) «Несвятые святые» и другие рассказы» занимает особое место среди произведений, входящих в круг православной художественной литературы XXI века. В ней находят отражение традиции прозы с эволюционирующим объектом, выраженные через обращение автора к вариантам духовного преображения человека (неверие — приход к вере; неверие — погружение в мир православной общины, воцерковление; грех — покаяние; внешняя греховность — внутренняя праведность). Кроме того, наблюдается связь изучаемого произведения с приходскими очерками и рассказами, о чем свидетельствует внимание писателя к богослужебно-обрядовому комплексу, включающему изображение таинств предсмертного цикла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пращерук Н. В. Современная православная проза: жанровый и аксиологический аспекты / Н. В. Пращерук // Духовная традиция в русской литературе. — Ижевск, 2013. — С. 502—513.
2. Рогозин Д. М. Книга о монашестве как светский феномен. Архимандрит Тихон (Шевкунов). «Несвятые святые» и другие рассказы. М.: Изд-во Сретенского монастыря; Олма медиа групп, 2011. — 640 с. / Д. М. Рогозин // Социологический журнал. — М. — 2012. — № 2. — С. 170—174.
3. Краснякова М. С. Основные мотивы «монастырского» сюжета в современной православной беллетристике / М. С. Краснякова // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород. — 2015. — № 1 (84). — С. 107—111.
4. Каплан В. Иерейская проза. Станет ли она литературным явлением? — Режим доступа: <https://foma.ru/ierejskaya-proza.html> (дата обращения 01.08.2017).
5. Кононенко Ю. Феномен «священнической прозы» — Режим доступа: <https://dm-jurevch-67.livejournal.com/52847.html> (дата обращения: 01.08.2017).
6. Леонов И. С. Поэтика православной прозы XXI века / И. С. Леонов, В. А. Корепанова. — М.; Ярославль: Ремдер, 2011. — 130 с.
7. Архимандрит Тихон (Шевкунов). «Несвятые святые» и другие рассказы / Тихон (Шевкунов). — М.: Изд-во Сретенского монастыря; ОЛМА Медиа Групп, 2012. — 640 с.
8. Шантаев А., священник. Священник. Колдунья. Смерть. Этнографические очерки сельского прихода / А. Шантаев. — М., 2004. — 240 с.

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

*Леонов И. С., кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы
E-mail: mamif.lis@rambler.ru*

*Pushkin State Russian Language Institute
Leonov I. S., Candidate of Philology, Associated Professor of
Department of World Literature
E-mail: mamif.lis@rambler.ru*